

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
X22

John Hart
REDEMPTION ROAD

REDEMPTION ROAD Text Copyright © 2016 by John Hart.
Published by arrangement with St. Martin's Publishing Group.
All rights reserved.

Харт, Джон.
X22 Путь искупления / Джон Харт ; [перевод с английско-го А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-04-113355-9

Элизабет Блэк — герой. Она — полицейский, в одиночку сумевшая выволнить из запятого подвала молодую девушку, застрелив двух ее похитителей. Но она — полицейский со своим тайным прошлым. И не только она одна...

Эдриен Уолл освободился из тюрьмы, где провел тринадцать жутких лет. И за первой же дверью, которую он открывает, его ждет мальчишка с револьвером в руке, горящий желанием отомстить за смерть своей матери. Но это меньшая из проблем Эдриена...

А в глубине леса, на алтаре заброшенной церкви, остывает тело, накрытое белым полотном. И оно не первое из тех, что были найдены там...

Этот город на краю пропасти.

Он идет по пути искупления.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-113355-9

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Норду, Мэттью и Мики.
Уходят хорошие люди...*

Холодный в голосе надлом,
Когда любви хочу воспеть я аллилуйю!

Леонард Коэн¹

¹Леонард Норман Коэн (1934–2016) — канадский поэт, писатель и автор-исполнитель. В эпиграфе использована цитата из его известной баллады «Аллилуйя» (1994). — *Здесь и далее прим. пер.*

Днем ранее

Женщина была просто редкостной красавицей — и прежде всего в том, что и понятия не имела о своем совершенстве. Он достаточно долго наблюдал за ней, чтобы это заподозрить, но лишь при встрече окончательно понял, что интуиция не подвела его. Скромная, застенчивая, легко управляемая — что называется, «без стержня». Похоже, порядком закомплексованная или не слишком умная. А может, просто страдает от одиночества и никак не может найти себе места в этом сложном враждебном мире...

Хотя в общем-то все это неважно.

Выглядела она как надо, и все дело было в глазах.

Они у нее просто сверкали, когда она подходила к нему по тротуару в свободном летнем сарафанчике, открывающем колени, но в рамках приличий. Ему понравилось, как тонкая ткань весело вспархивает при каждом шаге, как аккуратно двигаются ее ноги и руки. Бледная, тихая. Он бы предпочел, чтобы волосы были немного другими, но вообще-то сойдет и так.

Главное — глаза.

Они были ясными, глубокими и беззащитными, и он внимательно следил, не поменялось ли что за те несколько дней, что прошли с тех пор, как они договорились встретиться. Вид у нее был несколько виноватый, и даже издали чувствовалась неудовлетворенность, рожденная неудачами в личной жизни и бессмысленной работой. Она явно ждала от жизни большего.

— О, приветлики, Рамона!

Она застенчиво отстранилась, когда они оказались почти вплотную. Ее ресницы темной тенью накрыли скулы, голова наклонилась, скрывая из виду безупречно очерченный подбородок.

— Молодец, что все-таки решилась, — произнес он. — Думаю, мы отлично проведем вечерок.

— Спасибо, что нашел время. — Она зарделась, все еще опустив глаза. — Я знаю, сколько у тебя дел.

— Будущее — вот что в первую очередь имеет значение для каждого из нас... Жизнь — и то, как мы ее проживем, кусок хлеба, карьера, семья, личное удовлетворение... Просто важно все заранее спланировать и как следует продумать. И нет нужды проделывать это в одиночку — только не в таком городишке. Мы все тут друг друга знаем. Помогаем друг другу. Ты поймешь это, когда поживешь здесь подольше. Народ у нас в общем-то славный. Не только я один.

Она кивнула, но он понял, что сейчас творилось где-то в самой глубине ее души. Они встретились якобы случайно, и вот теперь она терялась в догадках, с чего бы это вдруг с такой готовностью открылась совершенно незнакомому человеку. Но это был его дар: его лицо, его манеры хорошо воспитанного человека, то, как к нему сразу проникались доверием... Некоторым женщинам это требуется — плечо, на которое можно опереться, терпение. Как только они понимали, что его интерес не в том, чтобы просто разок переспать, все было просто. Не ветреный, надежный, добрый... Опытный и рассудительный, наконец.

— Ну так как, готова?

Он открыл дверь машины, и на миг показалось, что она с некоторой растерянностью остановила взгляд на черных ожогах от потушенных сигарет и продранным кожаном сиденье.

— Это прокатная, — поспешил объяснить он. — Прости, но моя собственная машина в сервисе.

Она прикусила губу, гладкая икра на ноге слегка напряглась. Приборная панель вся уделана какими-то пятнами, коврик под ногами протерся до дыр...

Ее следовало просто чуть-чуть подтолкнуть.

— Мы ведь только завтра собирались встретиться, помнишь? Ближе к вечеру. Выпить кофейку, поболтать. — Он наморщил лицо в улыбке. — Если б планы не поменялись, поехали бы на другой. Но ты попросила сегодня. Вышло типа как спонтанно, но ради тебя...

Он намеренно не договорил — пусть вспомнит, что сама предложила встретиться, а не наоборот. Наконец она кивнула, поскольку все это звучало вполне разумно, а ей не хотелось выглядеть привередой, которую волнуют такие мелочи, как состояние автомобиля, тем более что купить собственный ей все равно не по карману.

— Просто мама приезжает утром из Теннесси. — Она оглянулась на многоэтажку у себя за спиной, возле уголков ее рта прорезались новые морщинки. — Так вот, ни стукало ни брякало.

— Да.

— Мама все-таки...

— Ты уже говорила. Я понял.

В его голосе прозвучала небольшая раздраженность, некоторое нетерпение. Он улыбнулся, чтобы снять возникший было напряг, хотя меньше всего ему сейчас хотелось, чтобы ему напоминали о жлобских корнях этой девушки в каком-то зачуханном жлобском городишке.

— Это тачка моего племянника, — сообщил он. — Он студент.

— Тогда это все объясняет.

Она имела в виду запах и грязь, но теперь смеялась, так что он тоже рассмеялся.

— Ох уж эти детишки! — произнес он.

— Ну да, точно!

Он отвесил шутовской поклон и прогнал какую-то шуточку про боевые колесницы. Она опять рассмеялась, но он уже больше не обращал на это внимания.

Она уже сидела в машине.

— Люблю воскресенье. — Выпрямилась, когда он пролез за руль. — Тишь да гладь. Никому ничего не должен. — Раз-

гладила подол и показала глаза. — А ты любишь воскресенье?

— Конечно, — отозвался он, хотя ему было глубоко плевать. — А ты сказала матери, что мы встречаемся?

— Еще чего! — воскликнула девушка. — Мне нужен этот миллион вопросов? Начались бы разговоры, что я гуляющая и безответственная, что надо было ей позвонить, а не...

— Наверное, ты все-таки преувеличиваешь.

— Ну уж нет, только не с моей мамочкой!

Он кивнул, словно бы понимая эту ее замкнутость. Деспотичная мать, отец неизвестно где или уже помер... Повернув ключ в замке зажигания, он еще раз полюбовался, как она сидит — спина прямая, обе руки аккуратно лежат на коленях.

— Люди, которые нас любят, обычно склонны видеть то, что хотят видеть, а не то, что мы из себя представляем в действительности. Твоей маме стоит присмотреться поближе. По-моему, она будет приятно удивлена.

Это замечание явно доставило ей удовольствие.

Он отъехал от тротуара, продолжая болтать, чтобы она такой и оставалась.

— А как насчет друзей? — спросил он. — Людей, с которыми ты работаешь? Они в курсе?

— Только что я с кем-то сегодня встречаюсь, и что это личное. — Улыбнувшись, она показала те теплые, роскошные глаза, которые его первым делом и привлекли. — Им было очень любопытно.

— Надо думать, — отозвался он, и она улыбнулась еще раз.

Ей понадобилось минут десять, чтобы задать первый осмысленный вопрос.

— Минуточку! Я думала, что мы собирались просто выпить кофе...

— Сначала еще кое-куда заедем.

— Это ты о чем?

— Сюрприз.

Она изогнула шею, бросив взгляд на тающий за задним стеклом город. По обеим сторонам теперь бежали лишь по-

ля и леса. Совершенно пустая дорога, похоже, обрела для нее какой-то новый смысл — ее пальцы потянулись к горлу, коснулись щеки.

— Мои друзья ждут меня назад.

— Ты ведь вроде им не говорила?

— Разве я так сказала?

Он бросил на нее взгляд, но ничего не ответил. Небо за стеклами машины наливалось пурпуром, оранжевые лучи солнца пробивались сквозь деревья. Они давно миновали городские окраины, на далеком холме тихо возвышалась лишь заброшенная церковь, шпиль которой надломился словно бы под весом темнеющего неба.

— Люблю разрушенные церкви, — произнес он.

— Что?

— Разве не видишь?

Он ткнул вперед рукой, и она уставилась на древние камни, на покореженный, клонящийся к земле крест.

— Я не понимаю...

Она явно была обеспокоена — пыталась убедить себя, что все нормально. Он молча смотрел, как на руины оседают стаи черных дроздов. Через несколько минут она попросила его отвезти ее домой.

— Я неважно себя чувствую.

— Мы уже почти приехали.

Теперь она была всерьез напугана, он это хорошо видел, напугана его словами, этой церковью и странным однообразным мотивчиком, посвистывающим у него на губах.

— У тебя очень выразительные глаза, — произнес он. — Кто-нибудь тебе говорил?

— По-моему, меня сейчас стошнит.

— Все с тобой будет в порядке.

Он свернул на гравийную дорогу — в мир, ограниченный деревьями, сумерками и теплом ее кожи. Когда они миновали открытые ворота в ржавой сетчатой ограде, девушка расплакалась. Поначалу тихонечко, потом все сильнее.

— Да не бойся ты, — сказал он.

— Зачем ты все это делаешь?

— Делаю что?

Она расплакалась еще пуще, но даже не пошевелилась. Автомобиль выкатился из-за деревьев на открытое пространство, густо заросшее сорняками и заваленное какими-то древними механизмами и кусками ржавого металла. Впереди вздымалась пустая силосная башня, круглая, вся в грязных потеках; ее коническая крыша розовато светилась в лучах заходящего солнца. В основании сооружения зияла открытая дверь, пространство за ней оставалось густо-черным и недвижимым. Девушка устала на башню, а когда опять опустила взгляд, то увидела у него в руке наручники.

— Надевай!

Он бросил наручники ей на колени, и под ними тут же расплылось теплое влажное пятно. Он смотрел, как ее взгляд отчаянно мечется по пространству за стеклами машины — в поисках людей, солнечного света или хоть каких-то оснований для надежды.

— Просто представь, что все это понарошку, — сказал он.

Она надела наручники — металл звякнул крошечными колокольчиками.

— Зачем ты это делаешь?!

Вопрос был тот же самый, но он ее не винил. Выключил мотор, послушал, как тот пощелкивает в тишине. На пустыре было жарко. В машине воняло мочой, но ему было плевать.

— Вообще-то мы собирались сделать это завтра. — Он сильно прижал ей к ребрам электрошокер и посмотрел, как она дернулась, когда он нажал на пусковую кнопку. — До этого ты мне не понадобишься.

Гидеон Стрэндж открыл свои глаза жаркой удушливой тьме и хныканью отца. Постарался не двигаться, хотя эти всхлипы не были чем-то новым или неожиданным. Под конец отец часто забивался в угол, свернувшись там в комок, словно комната сына была единственным надежным местом на свете, и Гидеон не раз подумывал спросить, почему после всех этих лет его отец по-прежнему столь угрюм, слаб и сломлен. Вопрос довольно простой, и если б отец хоть на сколько-то оставался мужчиной, то наверняка на него ответил бы. Но Гидеон знал, *что* может сказать отец, так что не отрывал головы от подушки и наблюдал за темным углом, пока отец наконец не взял себя в руки и не подошел к нему. Несколько томительных минут он стоял молча, опустив взгляд в пол; потом коснулся волос Гидеона и попытался шепотом укрепить себя, повторяя: «Помоги мне, помоги мне, Господи!», после чего обратился в поисках сил к своей давно усопшей жене, так что «помоги мне, Господи!» вскоре превратилось в «помоги мне, Джулия!».

Насколько же все-таки жалкое зрелище, подумал Гидеон, — вся эта беспомощность и слезы, эти дрожащие грязные пальцы... Труднее всего было не пошевелиться — и во все не потому, что матери давно не было в живых и она не могла бы ответить, а по той причине, что Гидеон знал: стоит ему хоть чуть-чуть двинуться, и отец обязательно спросит, не спит ли он, не грустно ли ему и не чувствует ли он себя столь же потерянным. Тогда придется сказать правду: нет,

ничего такого, но где-то внутри он ощущает такое одиночество, какое не должно быть знакомо любому мальчишке его возраста. Однако отец больше не заговаривал. Просто провел рукой по волосам сына и застыл настолько неподвижно, словно та сила, к которой он взывал, вдруг каким-то волшебным образом нашла его. Но Гидеон знал, что такого никогда не случится. Он видел фотографии отца прежних времен, а в памяти сохранились несколько смутных воспоминаний о человеке, способном смеяться, улыбаться и не прикладываться к бутылке по несколько раз на дню. Годами он мечтал, что этот человек вернется, что это все-таки когда-нибудь произойдет. Но отец носил свои дни словно полинялый костюм — пустой внутри человек, единственная страсть которого пробуждалась от мыслей о давно почившей жене. Тогда он будто немного оживал, но что толку, если это были лишь кратковременные неяркие вспышки, лишь неясные намеки на жизнь?

Мужчина последний раз коснулся рукой волос мальчишки, а потом пересек комнату и потянул на себя дверь. Выждав минуту, Гидеон скатился с кровати, полностью одетый. Организм работал на одном кофеине и адреналине, и он с трудом мог вспомнить, когда в последний раз спал или видел сны, или думал о чем-то, помимо единственного завязшего в голове вопроса: чего это стоит — убить человека?

Нервно сглотнув, осторожно приоткрыл дверь, стараясь не обращать внимания на то, что руки у него мертвенно-бледные, а сердце колотится, как у кролика. Повторял себе, что четырнадцать лет — это уже вполне мужчина и что не нужно быть старше, чтобы спустить курок. Господь желал, чтобы мальчики становились мужчинами, в конце-то концов, а Гидеон собирался сделать лишь то, что сделал бы его отец, если бы был для этого вполне мужчиной. А значит, убийство и смерть — тоже план Господа, и Гидеон неуклонно повторял себе это где-то в темном уголке своего сознания, пытаясь убедить ту часть себя, которая дрожала, потела и едва перебарывала тошноту.

С того времени, как убили его мать, прошло тринадцать лет, потом еще три недели после того, как Гидеон нашел маленький черный револьвер своего отца, а еще через десять дней выяснил, что к серому, угловатому зданию тюрьмы на дальнем краю округа его может доставить двухчасовой ночной поезд. Гидеон знал, что местной ребятне уже доводилось запрыгивать в этот поезд прямо на ходу. Главное, говорили они, как следует разбежаться и не думать, какие они на самом деле острые и тяжеленные — эти огромные сверкающие колеса. Но Гидеон все же боялся, что сорвется и угодит прямо под них. Каждую ночь ему снились про это кошмары — вспышка света и тьмы, а потом боль, до того правдоподобная, что он просыпался, ощущая, как противно крутит ноги. Просто ужасающий образ, даже если представить себе все это, когда не спишь, так что он затолкал его поглубже и приоткрыл дверь пошире — как раз чтобы увидеть отца, развалившегося в старом коричневом кресле. Прижимая к груди подушку, тот таращился в сломанный телевизор, в котором Гидеон спрятал револьвер после того, как два дня назад стянул его из ящика отцовского комода. Теперь он понял, что держать ствол надо было у себя в комнате, но тогда показалось, что нет лучшего тайника, чем иссохшие потроха перегоревшего телека, который последний раз работал, когда Гидеону было всего пять лет от роду.

Но как достать револьвер, когда прямо перед ним расселся отец?

Надо было поступить как-нибудь по-другому, но мозги у Гидеона иногда работали криво. У него никогда не было намерения создавать какие-то сложности. Просто так порой само собой выходило, отчего даже самые добрые из учителей полагали, что лучше бы ему подумать о столярной мастерской или слесарном цехе, чем обо всех этих мудреных словах в умных увесистых книжках. Стоя в темноте, он подумал: наверное, эти учителя в чем-то правы, в конце-то концов, поскольку без револьвера он не сможет ни застрелить того человека, ни защитить себя, ни показать Господу свою волю делать *необходимые вещи*.